

Шан Цинъюэ вышел из дверей величественного зала в сопровождении двоих своих учеников.

Достопочтенный Меч Вопросающий Небо обычно держался сурово и бесстрастно. В даосском ордене Куньлунь его авторитет был непререкаем, и младшие никогда не осмеливались выказывать перед ним даже тени непочтительности. Даже Янь Тиншуан под его взглядом робел и то и дело по-кроличьи хлопал покрасневшими глазами. Это всегда пробуждало в Шан Цинъюэ жалость, заставляя смягчаться и утешать своего любимца.

Однако на этот раз, когда они дошли до уединённой бамбуковой рощи, Шан Цинъюэ резко остановился. Лицо его не выражало ни гнева, ни милости, словно покрытое тонкой коркой льда.

Янь Тиншуан осторожно позвал:

— Учитель?..

С неба лил глухой, затяжной дождь, но над ними раскинулся невидимый купол духовной силы Достопочтенного. Водяные струи разбивались о прозрачную преграду, не роняя на них ни капли.

Шан Цинъюэ не повернул головы. Его голос прозвучал бесстрастно и холодно:

— Ты виделся с Янь Фуи?

Янь Тиншуан вздрогнул, слова застряли у него в горле:

— Я... я вовсе не...

Лишь теперь он в полной мере ощутил, какую невыносимую, подавляющую тяжесть несёт в себе аура истинного Достопочтенного, когда тот говорит всерьёз. Откуда учитель узнал, что он втайне привёл Янь Фуи обратно? Тиншуан был уверен, что действовал предельно осторожно. Неужели это Сяо Фэн выдал его?

В голове завертелся вихрь тревожных догадок. Сердце предательски заколотилось от страха. Тиншуан чувствовал за собой вину, и собственное воображение пугало его сильнее реальности.

«Неужели это Сяо Фэн? Но с какой стати ему меня предавать? Ведь он всегда заботился обо мне и даже помог одолеть Янь Фуи, чтобы я наконец получил настоящую власть...»

Шан Цинъюэ немного помолчал, прежде чем продолжить:

— Если он вернулся ради участия в войне с демонами, пусть ведёт себя тихо и не смеет попадаться на глаза главе ордена.

Янь Тиншуан растерянно поднял на него глаза:

— Вы... вы не гневаетесь на меня?

— Тебе следовало сразу мне рассказать.

Шан Цинъюэ наконец обернулся. Его суровый взгляд смягчился. Он протянул руку и заботливо заправил выбившуюся прядь волос за ухо ученика.

— Вы родные братья. То, что ты хочешь позаботиться о нём, естественно, и я не стану упрекать тебя за это.

Тиншуан слегка покраснел и пробормотал:

— Но ведь он совершил столько ошибок... Глава ордена был так разгневан...

— У главы ордена свои причины для недовольства, — вздохнул Шан Цинъюэ. — Но до крайностей он не дойдёт и жизни его не лишит. Как бы то ни было, предупреди Янь Фуи: пусть больше не злит главу Ли.

Тиншуан послушно опустил ресницы и тихо отозвался:

— Да, учитель.

Тонкие намёки в словах Шан Цинъюэ не укрылись и от стоявшего рядом Сяо Фэна. В его глазах промелькнул странный огонёк, и он спросил с напускной почтительностью:

— Учитель, кажется, сегодня в главном зале я невольно сболтнул лишнего. Глава Ли так резко отреагировал на имя... старшего шисюна. Смею ли я спросить, правдивы ли те давние слухи?

При этих словах и Янь Тиншуан, и Шан Цинъюэ замерли. В бамбуковой роще воцарилась тяжёлая тишина.

— Не лезь не в своё дело, — наконец отрезал Шан Цинъюэ, вернув лицу прежнее ледяное выражение. — Считай эти слухи правдой, если тебе угодно, но вслух больше никогда не упоминай.

Сяо Фэн понимающе прищурился:

— Повинуюсь. Я всё понял.

Шан Цинъюэ одобрительно кивнул. Этот новый ученик всегда отличался завидной проницательностью и умением держать язык за зубами — в этом он явно превосходил своих предшественников.

Что касается событий минувших лет... каждый тогда сделал свой выбор, и теперь уже бессмысленно разбираться, кто прав, а кто виноват. Янь Фуи — сирота, возвращённый орденом Куньлунь, и если ради общего блага ему пришлось вытерпеть несправедливость, то таков его долг.

Шан Цинъюэ во многом расходился во мнениях со своим старшим братом-главой, но это не мешало им оставаться верными сотоварищами. Все их действия в первую очередь были направлены на защиту чести и доброго имени Куньлунь. К тому же глава ордена Ли Аньши лишь проявлял излишнюю строгость к Янь Фуи, не заходя за рамки разумного. Да и шисюн Цинхэ всегда был человеком благородным и честным. В прошлом его связывали с Янь Фуи тёплые отношения; пусть со временем они и охладели, видимость приличий они сохраняли до последнего.

Пожалуй, это был лучший из возможных исходов.

Жаль только Ли Фуюя. В своё время этот юноша обладал столь выдающимся талантом, что по праву считался главным преемником на пост главы ордена. Его безвременная гибель из-за тех постыдных обстоятельств стала невосполнимой потерей. Благо, у них оставался Ли Цинхэ.

Шан Цинъюэ мысленно покачал головой. К чему сегодня эти призраки прошлого? Подобные раздумья лишь вносили смуту в разум и мешали сосредоточению.

— На Террасе Испытания Совести Янь Фуи получил тяжёлые раны, — нарушил молчание Достопочтенный. — Передай ему тайком целебные пилюли. Как только оправится, пусть отправляется на передовую. Сейчас там каждая пара рук на счету.

Янь Тиншуан едва заметно стиснул зубы. Сяо Фэн тут же почтительно склонился:

— Будет исполнено, учитель.

Шан Цинъюэ удовлетворённо кивнул и, оставив последние наставления, удалился.

Сославшись на неотложные дела, Янь Тиншуан отказался возвращаться вместе с шидами. Едва силуэт учителя растворился среди бамбуковых стволов, маска кроткого послушника слетела с лица юноши.

Тиншуан хищно прищурился. В его голосе зазвенели злые, обвиняющие нотки:

— Зачем ты сегодня при учителе завёл разговор о Янь Фуи? Что это за выходка?

Сяо Фэн лишь усмехнулся и непринуждённо повёл плечом:

— К чему этот допрос, маленький шисюн? Я ведь не посвящён в подробности ваших семейных распрей. Спросил просто к слову. Раз уж учитель велел помалкивать, я больше рта не раскрою.

— Ты прекрасно всё знаешь! — на лице Тиншуана проступили багровые пятна гнева. Он опасливо огляделся по сторонам и перешёл на свистящий шёпот: — Ты отлично знаешь, зачем я обратился к тебе! Разве о таких вещах трезвонят на каждом углу?!

Тиншуану на мгновение показалось, будто на лице этого шиди, всегда казавшегося прямодушным, услужливым и покладистым, промелькнула издевательская усмешка.

— Вот оно как, — протянул Сяо Фэн. — В таком случае прошу прощения, маленький шисюн.

Тиншуан с досадой прикусил губу:

— Этот ублюдок как-то ухитрился сбежать. У тебя есть при себе поисковые артефакты? И что насчёт пилуль весеннего возвращения, которые полагались мне в этом месяце?

— Ох, виноват, — с напускным сожалением вздохнул Сяо Фэн. — В Зале Эликсиров и Трав сейчас суматоха, все завалены работой. Должно быть, просто забыли о твоей доле. Я непременно потороплю их при случае... Что же касается поисковых артефактов — у нашего учителя их наверняка в избытке. Почему бы тебе не попросить у него?

Сяо Фэн оставался верен себе: увиливал от прямых ответов, юлил и не желал брать на себя лишних хлопот. Под маской простоватого шиди скрывался хваткий и расчётливый делец, который и пальцем не ударит задаром.

Как же это было несправедливо! Когда рядом был Янь Фуи, Тиншуану никогда не приходилось кланчить лекарства или ресурсы для совершенствования. Брат предугадывал каждое его желание и без лишних слов преподносил всё необходимое на блюдечке.

Тиншуан яростно взмахнул широким рукавом:

— Ты смеешь со мной паясничать?!

— А что мне остаётся? — Сяо Фэн склонился к его уху, понизив голос до едва различимого шёпота. — Ведь ты, маленький шисюн, не пойдёшь жаловаться учителю. Едва ли почтенному Шан Цинъюэ понравится узнать, что его кроткий, невинный любимчик замышляет убийство собственного единокровного брата.

Нет, это не было обманом зрения.

Тиншуан оцепенел, во все глаза глядя на стоявшего перед ним юношу. Как он мог так жестоко просчитаться? Сяо Фэн никогда не был преданной ручной собакой. Всё это время перед ним извивалась ядовитая гадюка, выжидавшая удобного момента для броска!

Тиншуан отступил на шаг назад, из последних сил стараясь скрыть охватившую его панику:

— Не мели чушь! Когда это я желал ему смерти?.. Я всего лишь... всего лишь хотел...

— Ах, простите, запямятовал, — притворно спохватился Сяо Фэн. — Ты всего лишь хотел избавить его от некоторых воспоминаний, которые ему не следовало хранить, верно? Жаль только, моё мастерство в наложении печатей памяти пока оставляет желать лучшего. От такого вмешательства человек запросто может лишиться рассудка и превратиться в пускающего слюни дурачка. Впрочем... разве для тебя это не лучший выход?

Тиншуан смертельно побледнел и покачал головой:

— Ты безумец... Ты настоящий дьявол!

— Да чего ты так испугался? — искренне позабавился Сяо Фэн. — Даже если у Янь Фуи и сохранились те опасные для тебя воспоминания, ты ведь до сих пор цел и невредим, не так ли?

Оставив этот вопрос без ответа, он вдруг сделал шаг вперёд. Тиншуан не успел опомниться, как дерзкие пальцы шиди коснулись его подбородка, слегка приподнимая лицо. Сяо Фэн насмешливо улыбнулся и, прежде чем ошеломлённый юноша успел оттолкнуть его, развернулся и небрежно зашагал прочь.

С уходом Сяо Фэна исчезла и последняя защита от непогоды. Тяжёлая стена ледяного дождя со всей яростью обрушилась на незащитного Янь Тиншуана, мгновенно промочив его до нитки.

Он издал полный бессильной злобы вскрик и лихорадочно попытался воздвигнуть собственный барьер из духовной энергии. Однако столь тонкое искусство контроля давалось ему с трудом: раньше, когда он неотлучно находился под крылом учителя или когда рядом преданно следовал Янь Фуи, ему никогда не приходилось заботиться о подобных мелочах.

Изрядно натерпевшись и вымокнув, красивый юноша наконец сумел совладать с потоками ци и разогнать дождевые струи. Он с омерзением принялся отряхивать намокшие одежды и стирать холодную воду с лица. Сердце в его груди бешено колотилось от унижения и страха.

«Всё из-за него. Всё из-за Янь Фуи!»

Если бы этот проклятый праведник не вернулся, если бы он просто сгинул в какой-нибудь безвестной канаве, Тиншуану не пришлось бы терпеть эти издевательства.

«Почему? Почему ты просто не сдох вовремя, Янь Фуи?»

Ли Цинхэ показалось, что у него двоится в глазах. Среди пелены дождя ему померещился знакомый силуэт Янь Фуи.

Выйдя от отца, Ли Цинхэ унёс с собой тяжёлое чувство смутной тревоги. Он не мог понять, что именно гложет его душу, и, решив не изводить себя бесплодными раздумьями, поспешил вернуться в Долину Затяжного Ожидания.

В этой затянувшейся войне с силами зла старейшины с Горы Неоставления до сих пор не соизволили взять командование на себя. Да и после того, как совет на Вершине Облаков закончился сокрушительным провалом, учитель больше не присылал вестей и не звал его обратно в обитель... Разум Ли Цинхэ пребывал в смятении. В такие минуты лишь ярость битвы могла подарить ему долгожданное забвение.

Царство демонов наступало всей своей сокрушительной мощью, а за их спинами, по слухам, стоял таинственный и грозный Достопочтенный демонов. Те лицемеры, что укрылись в тылу, даже не задумывались: если падёт этот последний рубеж, во всём мире не останется безопасного места.

И посреди этого хаоса — снова Янь Фуи.

Ли Цинхэ не переставал поражаться живучести этого человека. После стольких перенесённых страданий тот всё ещё цеплялся за жизнь.

Всего пару дней назад Ли Цинхэ виделся с Цзоу Хо. Тот злился, что выследил и запер Янь Фуи в глухом городке Мосян, но пленник каким-то образом сумел ускользнуть прямо у него из-под носа.

«Ни на что не годный слабак», — с презрением подумал Ли Цинхэ о молодом господине демонов.

Ли Цинхэ воочию наблюдал, как неистовствовал уязвлённый Цзоу Хо и как сурово отчитывала его Хунлянь Яоцзунь, Демонический достопочтенный Красного Лотоса. Впрочем, гнев Королевы демонов быстро сменялся слезами: она слишком долго считала своего единственного сына мёртвым, чтобы теперь наказывать его всерьёз. Сам же Цзоу Хо то и дело хватался за голову, жалуясь на невыносимую мигрень. Он твердил, будто в его разуме бьётся какое-то важное воспоминание, которое он никак не может воскресить.

Усобицы в Долине Десяти Тысяч Демонов мало заботили Ли Цинхэ. Всё, что его интересовало — это Янь Фуи.

Оказалось, что даже лишившись Врождённых Костей Меча, этот человек не утратил способности бесследно исчезать. Он не оставил преследователям ни единой зацепки, так что даже ищейки Королевы демонов сбились со следа.

Ли Цинхэ устроился в засаде в Долине Затяжного Ожидания. Какое-то седьмое чувство подсказывало ему, что беглец объявится именно здесь. Разве Янь Фуи не любил больше всего на свете разыгрывать из себя благородного защитника сирых и убогих, клянясь истреблять демонов до последнего вздоха? И где же теперь эта показная доблесть, когда пришло время доказать слова делом?

«Лицемер. Способен лишь на красивые речи».

Ли Цинхэ твердил себе это раз за разом, словно пытаясь убедить собственное сердце. Поэтому, когда он действительно завидел знакомую фигуру, то сперва не поверил своим глазам.

Прежде чем здравый смысл успел возобладать, ноги сами понесли Ли Цинхэ вслед за беглецом.

Янь Фуи был истощён и слаб, а потому даже не заметил слежки. Ли Цинхэ держался на безопасном расстоянии, наблюдая, как худая, хрупкая фигура покачивается и спотыкается на каждом шагу. Это зрелище рождало в его груди странную, болезненную сладость.

Разум его застилал туман противоречий. Что ему делать с этим человеком? Он никогда не желал Янь Фуи быстрой смерти. Ли Цинхэ убеждал себя, что простая гибель — слишком лёгкая кара для предателя, что тот должен испытать чашу страданий до дна. Но почему теперь, видя его жалкое, надломленное состояние, он чувствовал, как сжимается собственное сердце?

Внезапно дикая, безумная мысль промелькнула в его голове:

«Почему бы просто не похитить его? Спрятать в тайном месте, где никто и никогда не сможет его отыскать...»

Тогда Янь Фуи больше не сможет дарить свою заботу и улыбки кому-то другому. Тогда он будет принадлежать лишь ему одному.

Не успел Ли Цинхэ додумать эту мысль, как прямо перед Янь Фуи бесшумно, словно соткавшись из самого воздуха, возникла человеческая фигура.

Незнакомец был облачён в роскошные чёрные одежды. Его длинные угольно-чёрные волосы,

отливающие благородным пурпуром, ниспадали до самых пят. На шее покачивалась изящная подвеска Звезды и Луны, а бледный лоб украшали причудливые тёмно-фиолетовые узоры демонического клейма.

У Ли Цинхэ перехватило дыхание, а сердце испуганно пропустило удар.

Это был Сян Цзюнь! Тот самый грозный Молодой господин расы демонов, который на протяжении многих дней лично вёл вражеские полчища в бой на передовой!

Демонический заклинатель стоял посреди тропы, преграждая путь Янь Фуи. Его тонкие губы изогнулись в лёгкой усмешке, а в разрезе узких глаз заплясали лукавые искры.

Появление врага оказалось столь внезапным, что Янь Фуи едва не врезался в него грудью. Но не успел обессиленный мечник отшатнуться, как Сян Цзюнь властно перехватил его за талию, притягивая к себе и лишая возможности отступить.

На лице могущественного демона, достигшего пика стадии Золотого Ядра, расцвела ослепительная улыбка:

— Ну надо же, какая встреча, брат Фуи.

<http://bllate.org/book/20278/2188676>